

С. В. Джунджузов¹
Оренбург

СКЛАДЫВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА²

Калмыки-казаки Уральского казачьего войска остаются наименее изученной калмыцкой диаспорой в пределах Российской империи. Вхождение калмыков в состав Уральского казачьего войска (до 1775 г. – Яицкого) проходило в процессе их длительного взаимодействия с уральскими казаками. К середине XIX в. они вполне адаптировались к казачьим порядкам. Были менее, чем оренбургские калмыки, изолированы от русских казаков. Перенимали у них опыт ведения земледельческого хозяйства и традиционного рыболовного промысла. В то же время исповедание буддизма и наличие легальной конфессиональной организации с выборным клиром обеспечивали уральским калмыкам религиозную и тесно связанную с ней этническую идентичность.

Ключевые слова: буддизм, идентичность, концессия, казаки, калмыки, казачье войско.

S. V. Dzhundzhuzov
Orenburg

FOLDING OF THE KALMYK POPULATION OF THE URAL COSSACK COUNTRY IN THE XVIII - FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The Kalmyk Cossacks of the Ural Cossack Host remain the least studied Kalmyk diaspora within the Russian Empire. The entry of the Kalmyks into the Ural Cossack army (until 1775 - Yaitsky) took place in the process of their long-term interaction with the Ural Cossacks. By the middle of the XIX century. they have completely adapted to the Cossack order. Less than the Orenburg Kalmyks were isolated from the Russian Cossacks. We adopted from them the experience of farming and traditional fishing. At the same time, the confession of Buddhism and the presence of a legal confessional organization with an elected clergy provided the Ural Kalmyks with a religious

Keywords: Buddhism, identity, concession, Cossacks, Kalmyks, Cossack army.

Калмыки-казаки Уральского казачьего войска остаются наименее изученной калмыцкой диаспорой в пределах Российской империи. Вхождение калмыков в состав Уральского казачьего войска (до 1775 г. – Яицкого) проходило в процессе их длительного взаимодействия с уральскими казаками. Характеризуя развитие калмыцко-казацких отношений к 10-20-м гг. XVIII в., А.Б. Карпов подчеркивал, что за семьдесят лет совместной жизни калмыки и уральские казаки «уже успели сжиться, и долгая вражда их чередовалась с миром – «размиренье» чередовалась с «замиреньем»³.

¹ *Джунджузов Степан Викторович* – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия. E-mail: Djund@yandex.ru

² Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, грант №17-39-50001

³ *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1: Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск, 1911. С. 406.

До начала XVIII в. переход калмыков в яицкое казачество носил единичный характер. Ситуация изменилась в первой половине XVIII в., когда правительство запретило Яицкому войску допускать в свои ряды беглых крестьян. При этом обязательства Войска по несению пограничной службы и участию в войнах только усиливались. Численность войскового населения в этот период обеспечивалась за счет записи в казаки представителей соседних кочевых народов: татар, туркмен, башкир, калмыков и др. Свойственная Яицкому войску веротерпимость, по крайней мере в отношении тех «инородцев», которые добровольно приходили на Яик и селились между ними, позволяла калмыцким переселенцам не менять вероисповедания. Результат не замедлил сказаться – в 1725 г. в Яицкое войско зачислили 110 калмыков, а в 1748 г. на войсковой территории кочевало уже 620 калмыков. Из них, как говорилось в донесении Яицкой канцелярии, 470 «в казаки не записаны, но служат по воле своей», остальные 150 калмыков кочуют «по воле своей»⁴. Часть яицких калмыков, как говорилось выше, переселились в Оренбург, приняли христианство и стали казаками Оренбургского войска.

Российское правительство, взявшее на себя обязательство «калмык и [подвластных] их татар, которые будут уходить в российские города и таких некрещеных отдавать им [калмыцким владельцам] возвратно», вынуждено было в 1725 г. определением Сената запретить Яицкому войску впредь принимать и селить на Яике некрещеных калмыков⁵. Невзирая на прошения Яицкого войска об оставлении в его составе калмыков, Коллегия иностранных дел требовала от оренбургского губернатора И.И. Неплюева строго придерживаться условий, содержащихся в российско-калмыцких договорах и правительственных указах. Исключение допускалось, во-первых, для 110 калмыков, зачисленных в Яицкое войско до издания сенатского определения 1725 г., во-вторых, калмыков, воспринимавших крещение. Также, помимо упомянутых 110 калмыков, в представлении Коллегии иностранных дел от 10 июня 1745 г., без указания количества, говорится о калмыках, получивших в 1738 и 1739 гг. по позволению В.Н. Татищева и в 1742 г. по указу из Оренбургской комиссии разрешение на присоединение к яицким казакам⁶.

⁴ Джунджузов С.В. Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. №3. С. 42.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 191.

Войсковая статистика по вероисповедальному признаку, которая начала вестись, вероятно, не ранее 1840-х гг., отдельную графу отводила язычникам. К ним в Уральском войске причислялись калмыки-буддисты. Также в XVIII в. встречались калмыки, которые в казахском плену или в Яицком городке под влиянием татарских мулл принимали ислам. В целях пресечения исламизации калмыков И.И. Неплюев потребовал от Войсковой канцелярии отбирать у татарских мулл расписки с указанием запрещения под страхом смертной казни склонять калмыков к восприятию магометанства⁷. На протяжении всего периода пребывания калмыков в составе Уральского войска имели место случаи восприятия ими православного христианства. Упоминания о крещеных уральских калмыках встречаются в исторической публицистике XIX в. По наблюдениям А. Рябинина, калмыки, «прадеды и деды которых принимали крещение, отделились совершенно от своих прежних соплеменников, женились на русских и вообще старались слиться с главным племенем»⁸.

Сохранению этнического единства уральских калмыков способствовала приверженность к буддизму. Согласно справке, представленной в канцелярию оренбургского военного губернатора, в 1845 г. в Уральском войске «идолопоклонников считалось» 547 чел. мужчин и 527 женщин. Для отправления богослужения у них имелось 21 духовное лицо и 10 мольбищ⁹.

Калмыки, селившиеся в XVIII в. на землях Яицкого войска, как правило, были выходцами из Калмыцкого ханства или беженцами из казахского плена. Среди последних могли встречаться джунгары, которых в России в то время называли «зенгорцами», или верхними калмыками. Калмык, желающий стать казаком, обязательно должен был иметь поручителя. Ими у некрещеных калмыков выступали калмыки-казаки, состоявшие с ними в родственных связях. За побеги, измену и иные уголовные преступления зачисленных в Яицкое войско калмыков их поручители подвергались имущественной ответственности и телесным наказаниям.

В 1744 г. в Оренбургской губернской канцелярии слушалось дело о побеге яицкого казака-калмыка Чабака Ханкидеева в киргизскую степь. Из справки, представленной канцелярией Яицкого войска, следовало, что Чабак пришел в Яицкий городок из Гурьева в 1742 г. Поручился за него родственник, уральский калмык Батырь. В 1743 г.

⁷ Витевский В.Н. Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. №3. С. 386.

⁸ Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. I. СПб., 1866. С. 367.

⁹ ГАОО. Ф.6. Оп. 12. Д. 423. Л. 5.

вместе с пятью яицкими казаками Чабак был направлен в Оренбург для несения службы. 10 октября из Оренбургской конторы строений поступило сообщение, что калмык Чабак, командированный с казачьей командой для осмотра леса в Красногорскую крепость, во время несения караульной службы бежал, прихватив с собой трех драгунских лошадей. Первым делом оренбургский губернатор И.И. Неплюев потребовал привлечь к ответственности поручителей и «учинить жестокое наказание. Ибо, если б они не ручались, то б никакой надежды и веры в том его употреблении принято не было». Следуя войсковому обычаю, казаки постановили взять Батыря в круг и бить плетьюми. С него также были взысканы две лошади взамен уведенных Чабаком¹⁰.

Сам Чабак был задержан на Меновом дворе в Орской крепости, куда приехал с казахскими торговцами. Его узнали находившиеся там на службе яицкие казаки-калмыки. На допросе Чабак признался, что ушел в степь по собственной воле, потому что не хотел жить в России. Беглый калмык был обвинен в государственной измене, отягощенной побегом во время несения караула и воровством. К тому же губернатор заподозрил Чабака в содействии казахам, совершавшим набеги на российские селения, в связи с чем губернатор потребовал подвергнуть обвиняемого дополнительным пыткам. Согласно вынесенному приговору калмык Чабак должен был быть сослан в Рогервик на каторжные работы¹¹. Избежать столь сурового наказания бывшему беглому калмыку позволил Высочайший указ от 15 июля 1744 г., в силу которого преступники, осужденные к смертной казни, каторжным работам или ссылке, получали «всемилоостивейшее» императорское прощение и освобождались от ответственности¹².

Историк Уральского войска И.И. Железнов, ссылаясь на крещеную калмычку А.В. Невзорову, утверждал, что по заведенному в Войске обычаю, принятие в казаки нерусского человека требовало особого поручительства со стороны какого-либо казака-уральца, так называемого «восприемника», который давал вновь зачисленному в войско свою фамилию. Сама Невзорова утверждала, что ее дед или прадед, которого она не помнила, был волжским калмыком: «принял христианскую веру и приписался в Яицкое казацкое войско. Фамилию Невзоровых принял, конечно, от восприемника, яицкого казака Невзорова»¹³.

В отличие от оренбургских и ставропольских калмыков, калмыки-казаки Уральского войска не получили земельных угодий для ком-

¹⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 176-176 об.

¹¹ Там же. Л. 179.

¹² Там же. Л. 245 об, 247.

¹³ Железнов И.И. Уральцы. СПб., 1888. Т. 3. С. 141.

пактного поселения. Их кибитки были рассредоточены на большей части войсковой территории. К середине XIX в. места жительства калмыков были зафиксированы в восьми из десяти отделов Уральского войска¹⁴. Их образ жизни, по крайней мере в первой половине XIX в., ничем не отличался от жизненного и хозяйственного уклада оренбургских калмыков. Как и их соседи, теплое время уральские калмыки предпочитали проводить в кибитках. Период кочевания ограничивался пятью месяцами – с 15 мая по 15 сентября. Места кочевков располагались вблизи населенных пунктов и определялись войсковой администрацией. Зимние дома калмыков представляли собой глинобитные постройки с крытой камышом плоской крышей. Из того же камыша делались заборы и паромы для переправы через Урал и другие менее полноводные реки. Склонность уральских калмыков к кочеванию давала повод войсковой администрации характеризовать их как нетрудолюбивых и «в хозяйстве беспечных». Одновременно войсковое начальство положительно оценивало моральные качества уральских калмыков. В войсковых отчетах по гражданской части за 1845 и 1848 гг. о них говорилось, что «ламайцы и идолопоклонники калмыки отличаются <...> в высшей степени миролюбием», «Они, вообще, тихи и добронравны»¹⁵.

Средства для пропитания и расходы на подготовку к военной службе калмыки, как и остальная часть казачьего населения, должны были извлекать от хлебопашества и скотоводства. В полном объеме на уральских калмыков распространялся порядок несения воинской службы. Все уральские казаки по достижении 17 лет зачислялись в разряд малолеток, где оставались два года. В это время они освобождались от всяких общественных повинностей, не несли военной службы, но облагались денежным сбором. В 19-летнем возрасте они зачислялись в казаки, принимали присягу и числились два года в разряде внутренне-служащих. Они заводили лошадей, обмундирование, снаряжение и вооружение, после чего призывались на летние учебные сборы. По достижении 21 года зачислялись в полевой разряд, в котором оставались 15 лет, а с 36 лет снова переводились в разряд внутренне-служащих на 5 лет. Весьма лестно о службе уральских калмыков отзывался дореволюционный исследователь «уральской старины» Н. Бородин, потомственный казак, знавший уральских калмыков не понаслышке: «Калмыки имеют способность к военной и особенно

¹⁴ Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII-XIX в.). Элиста, 1992. С. 160.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1550/г. Л. 14 об; Д. 993. Л. 11 об.

иррегулярной службе: проворны, расторопны, сметливы и наделены удивительным зрением; отличаются бдительностью и точным исполнением полученных ими от начальства приказаний. Ум их быстрый, нрав кроткий и весёлый, они обходительны, услужливы, верны и привержены к тем, кто умеет заслужить их любовь»¹⁶.

Особого внимания со стороны оренбургской военной администрации уральские калмыки удостоились в 1830-е гг. в связи с наличием у них буддийской, ламаистской в терминологии того времени, конфессиональной организации. Буддизм относился к числу религий, дозволенных к исповеданию российскими подданными. А так как, помимо отправления культа, на конфессиональные организации государство возлагало идеологическую функцию (формирование у верующих верноподданнических чувств) и регистрацию актов гражданского состояния (ведение метрических книг), то и их деятельность должна была регламентироваться специальным законодательством и контролироваться уполномоченными органами государственной власти.

«Правила» 1835 г., устанавливавшие порядок избрания буддийских священнослужителей – гецюлей и гелюнгов – при молитвенных домах (хурулах), состояли всего из трех пунктов. В первом пункте определялся порядок избрания. Собрание прихожан следовало проводить при молитвенном доме в присутствии дистанционного или, если он в офицерском чине, станичного начальника. Избрание кандидата на вакантную должность удостоверялось письменным приговором, заверенным подписями выборщиков. Второй пункт устанавливал порядок утверждения в должности. Для служилых казаков требовалось разрешение оренбургского военного губернатора, назначение отставных казаков передавалось на усмотрение Присутствия Войсковой канцелярии. В третьем пункте оговаривались возрастные ограничения. Избранный на должность гецюля или гелюнга не должен был быть моложе 21 года. Не достигшие этого возраста претенденты с разрешения канцелярии допускались к исполнению должности священнослужителя только в виде испытания¹⁷.

Впервые представление о назначении буддийского священнослужителя поступило на утверждение оренбургского военного губернатора в 1844 г. В донесении Уральской войсковой канцелярии от 8 августа сообщалось, что в связи со смертью 15 мая 1843 г. гецюля

¹⁶ *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с картами. Т. 1. Уральск, 1891. С. 138-139.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп.12. Д.423. Л.5.

Кулагинского хурула (в тексте – молебища – С.Д.) Дензина Мачинова казаки-калмыки, проживавшие на Нижней дистанции Нижнеуральской линии в Кулагинской и Горской крепостях и Гребенщиковском форпосте, с разрешения Войсковой канцелярии избрали гецюлем казака Бамбеева. Выборы проходили в соответствии с установленными «правилами». Начальник уральской линии засвидетельствовал, что проживающий в его ведомстве казак Бамбеев по отзывам местного начальника и жителей «при хорошем поведении, знает хорошо калмыцкие духовные правила и, сверх того, говорит, читает и пишет по-русски». Необходимость избрания гецюля обосновывалась возложенными на него обязанностями по исполнению религиозных обрядов, приведению калмыков к присяге на верность службе «и по разным случаям, по делам следственным»¹⁸.

Оренбургский военный губернатор В.А. Обручев, как представитель имперской власти, считал правомерным руководствоваться только теми документами, легитимная сила которых удостоверялась высочайшими указами или подтверждалась распоряжениями высших должностных лиц. Прежде всего он счел нужным связаться с астраханским губернатором и выяснить, на основании каких законодательных актов происходит назначение ламаистского духовенства у калмыков в вверенной ему губернии. Астраханский губернатор уведомил Обручева, что избрание духовных лиц в астраханском калмыцком народе основывается на правилах, изложенных в статьях 636–638 «Учреждения об управлении инородцами», изданного в 1842 г. и включенного в VII книгу II тома Полного собрания законов Российской империи. Однако распространить эти правила на буддистскую общину Уральского казачьего войска не представлялось возможным, так как назначением и увольнением священнослужителей у астраханских калмыков ведало Ламаистское духовное правление. Создавать подобное учреждение в Уральском войске в силу малочисленности местных калмыков было нецелесообразно. Вопрос был передан на разрешение министру внутренних дел, который 17 января 1846 г. уведомил оренбургского военного губернатора, что «не встречает препятствий к соблюдению и на будущее время принятого по Уральскому казачьему войску порядка утверждения избираемых в духовные должности калмыков». Своим решением министр санкционировал переход

¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп.11. Д.788. Л.1-1об.

буддистского духовенства уральских калмыков под юрисдикцию губернской администрации¹⁹.

В целом, если проводить сравнения, то по образу жизни уральские калмыки были скорее ближе к донским, нежели к оренбургским, калмыкам. К середине XIX в. они вполне адаптировались к казачьим порядкам. Были менее изолированы, чем оренбуржцы и ставропольцы, от русских казаков. Перенимали у них опыт ведения земледельческого хозяйства и традиционного для Уральского войска рыболовного промысла. В то же время исповедание буддизма и наличие легальной конфессиональной организации с выборным клиром обеспечивали их религиозную и тесно связанную с ней этническую идентичность.

Библиография

1. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах с картами. Т. 1. Уральск: Урал. войск. хоз. правл., 1891. 947 с.
2. *Витевский В.Н.* Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. №3. С. 377-428..
3. *Джунджузов С.В.* Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. №3. С. 42-45.
4. *Железнов И.И.* Уральцы. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1888. Т. 3.
5. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Ч I: Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550—1725 гг.). Уральск : Войсковая тип., 1911. 1013 с.
6. *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Ч. I. СПб.: Типография Э. Веймара, 1866. 528 с.
7. *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIX в.). Элиста : Калмыцкий институт общественных наук РАН, 1992. 320 с.

¹⁹ *Джунджузов С.В.* Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. №3. С. 43-44.